

На переломе — эпизод 7 из 27

вдруг свирепо обернулся к нему Грузов. Брысь, колбасник!.. Ну, молодежь, кто покупает? За два с полтиной отдаю, так и быть...

Новички молчали, но по их горящим глазам видно было, каким высоким счастьем казалось им обладание редкой игрушкой.

Ну, последнее слово, ребята, два целковых! крикнул Грузов, подымая высоко над головой футляр и вертя им. Самому дороже... Ну раз! два!

В это время его глаза встретились с напряженным взглядом Буланина.

А-а! Буланка! кивнул ему головой Грузов. Покупай фонарь, Буланушка.

Буланин смутился.

Я бы с радостью... только...

Что только? Денег нет? Да я сейчас и не требую. В отпуск пойдешь?

Да.

Вот и возьми у родных. Эки деньги два рубля! Небось два-то рубля тебе дадут?

А? Дадут два рубля, Буланка?

Буланин и сам не мог бы сказать: дадут ему дома два рубля или нет. Но соблазн приобрести фонарь был так велик, что ему показалось, будто достать два рубля самое пустое дело. Ну, у сестер добуду, что ли, если мама не даст...

Вывернусь как-нибудь, успокаивал он последние сомнения.

Дома дадут. Дома мне непременно дадут, только...

Ну вот и покупай, и прекрасно, сунул ему Грузов в руки ящик. Твой фонарь владей, Фаддей, моей Маланьей! Дешево отдаю, да уж очень ты мне, Буланка, понравился. А вы, братцы, обратился он к новичкам, вы, братцы, смотрите, будьте свидетелями, что Буланка мне должен два рубля. Ну, чур, мена без размена... Слышите? Ты, гляди, не вздумай надуть, нагнулся он внушительно к Буланину. Отдашь деньги-то?

Ну вот. Конечно, отдам.

Забожись.

Вот, ей-богу, отдам, честное слово...

Ладно... А то у нас знаешь как!..

И, поднеся к лицу Буланина кулак, Грузов повернулся на каблуках и выплыл из отделения своей шатающейся походкой.

Нового хозяина фонаря тотчас же окружили товарищи. Со всех сторон потянулись жадные руки.

А ну-ка, покажи фонарь, Буланка. Чего же ты его прячешь? Буланушка, дай посмотреть.

Фонарь стал переходить из рук в руки, вызывая то завистливые, то деловые, то

восторженные, то критические замечания. В общем, однако, игрушка большинству очень понравилась: она обещала в будущем всему отделению много забавных минут. Но сам Буланин, следивший ревнивыми глазами за фонарем, находившимся в чужих руках, в то же время не ощущал в себе ожидаемой радости, в руках Грузова, издали, фонарь казался гораздо заманчивее и красивее.

Ты смотри, Буланка, посоветовал Сельский, разглядывая на свет картинку, нарисованную на стеклянной пластинке, смотри, деньги-то непременно принеси.

Конечно, конечно, принесу.

Смотри же... а то....

А то что? спросил шепотом Буланин, и его сердце сжалось от неясного предчувствия.

Бить будет, сказал Сельский также шепотом. Ты его не знаешь... Он отчаянный. Если не надеешься достать денег, лучше уж поди к нему в переменку и отдай назад фонарь.

Нет, нет... зачем же? Я отдам... Что ж... залепетал Буланин упавшим голосом. После слов Сельского он сразу и окончательно охладел к своей покупке.

И зачем мне было покупать этот фонарь? думал он с бесполезной досадой. Ну, пересмотрю я все картинки, а дальше что же? Во второй раз даже и неинтересно будет. Да и даст ли мама два рубля? Два рубля! Целых два рубля! А вдруг она рассердится, да и скажет: знать ничего не знаю, разделявайся сам, как хочешь. Эх, дернуло же меня сунуться!

Пришел батюшка. В обоих отделениях первого класса учил не свой, гимназический священник, а из посторонней церкви, по фамилии Пещерский. А настоятелем гимназической церкви был отец Михаил, маленький, седенький, голубоглазый старичок, похожий на Николая-угодника, человек отменной доброты и душевной нежности, заступник и ходатай перед директором за провинившихся почти единственное лицо, о котором Буланин вынес из стен корпуса светлое воспоминание.

Пещерский, собственно, даже и не был священником, а только дьяконом, но его все равно величали батюшкой. Это был гигант, весь ушедший в гриву черных волос и в густую, огромную бородину, причем капризная судьба, точно на смех, дала ему вместо крепкого баса тоненький, гнусавый и дребезжащий дискант. Вокруг его темных глаз больших, красивых, влажных и бессмысленных всегда лежали масленистые коричневые круги, что придавало его лицу подозрительный оттенок не то елейности, не то разврата. Про силу Пещерского в гимназии ходило множество легенд. Говорили, что очень часто массивные дубовые стулья не выдерживали тяжести его огромного тела и ломались под ним.

